

Белый шелк на черном стекле

Виктор Безматерный

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Виктор Безматерный

Белый шелк на черном стекле

<https://litres.ru/74287073>

SelfPub; 2026

Аннотация

Услава, изгнанная из своего рода, находит убежище в заброшенном храме посреди озера. Там она обнаруживает книгу заклинаний, написанную кровью на страницах из кожи. Каждое новое заклинание требует жертвы, и вскоре Усладе приходится выбирать между спасением близких и сохранением своей души.

Содержание

Глава 1: Шепот черной воды	4
Глава 2: Командор Пепла	15
Глава 3: Цена второго дыхания	27
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Виктор Безматерный

Белый шелк на черном стекле

Глава 1: Шепот черной воды

Холод — это первое, что я вспоминаю об этом дне. Не тот благородный озноб, что щиплет щеки на зимнем балу в отцовском дворце, когда слуги подливают подогретое вино с корицей. Это была иная стужа. Голодная. Она пробиралась сквозь бархат моих истлевших сапог, впивалась ледяными иглами в голени и ползла выше, к самому сердцу.

Я бежала так долго, что легкие горели огнем предательства. Каждый вдох рвал горло, но останавливаться было нельзя. За спиной, там, где остались земли Алымовых, небо цвета запекшейся крови расчерчивали черные молнии родовой магии. Они не били в землю. Они искали меня.

Мои волосы, некогда уложенные придворным цирюльником в сложную башню из кос и жемчужных нитей, теперь висели грязной паклей, пропитанной вонью стоячей воды. Подол тяжелого платья из алого шелка намок до колен, превратившись в свинцовый груз. В нем путались гниющие водоросли и пиявки размером с мой мизинец. Я чувствовала их холодные объятия каждый раз, когда нога проваливалась чуть глубже в илистое дно заводи.

Озеро Черных Грёз встретило меня мертвой тишиной. Ни лягушек, ни стрекоз. Даже комары избегали этих туманных вод. Местные крестьяне обходили топи десятой дорогой, шепча молитвы Пяти Богам, чтобы те уберегли их от дыхания спящего здесь древнего змея. Для них это место было могилой. Для меня оно стало единственным шансом на жизнь.

Мой отец назвал меня Усладой при рождении. «Услада для глаз», — говорил он, наряжая меня в лучшие ткани Севера. Сегодня же, после того как его гвардейцы сорвали с моей спины кожу раскаленным клеймом Предательницы, мое имя звучало как издевательство. Боль от ожога пульсировала в такт шагам. Метка Дома Алымовых — оскалившийся волк, держащий розу в зубах — навсегда лишила меня права называться дочерью князя. Теперь я просто падаль, которую травят по лесам.

Внезапно тина расступилась. Мои пальцы, ободренные о коряги, вцепились в каменную кладку. Ступени. Древние, поросшие скользким изумрудным мхом ступени уходили прямо в черную воду, исчезая в глубине. Храм. Тот самый храм Иллюзий, о котором шептались няньки в моем детстве, пугая непослушных детей. Говорили, что богиня, которой он посвящен, давно ослепла от людских грехов и спит на дне вместе со своим чудовищем.

Я оглянулась. Туман за моей спиной сгущался, принимая очертания конных силуэтов. Гончие отца учуяли след. До рассвета они будут здесь. У меня есть час. Может, меньше.

Скинув тяжелый плащ, который тут же бесследно утонул в трясине, я ступила в воду. Холод сковал колени, а затем бедра. Вода сомкнулась над поясом. Я плотнее прижала к груди то единственное, что успела выхватить из огня своей спальни — кожаный сверток. Внутри него лежал ритуальный кинжал из обсидиана, украшенный единственной слезой вулканического стекла. Мой последний аргумент против этого мира.

Ступени вели вниз. Вода поднялась до ключиц, заливая рану на спине. Соленая кровь смешалась с пресной озерной водой. Еще шаг, и я поплыву. Но плавать в полном церемониальном платье невозможно. Оно потянет меня на дно, ста-

нет моим саваном.

— Пусть лучше сожрут рыбы, чем гончие отца, — прошептала я пересохшими губами.

Я сделала глубокий вдох и нырнула.

Мир погрузился во тьму и глухоту. Бархат платья мгновенно оплел ноги, пытаясь утопить меня. Я билась, рвала ткань пальцами, ломая ногти о камни под водой. Легкие начали разрываться. Перед глазами поплыли красные круги. Паника — роскошь, которую изгнанник не может себе позволить. Я заставила себя замереть. Вспомнить уроки выживания, которые тайком давал мне старый егерь в лесах за дворцом. Сбросить вес.

Рывок. Я полоснула кинжалом по мокрому шелку. Рука дрогнула, и лезвие рассекло икру. Теплая кровь растворилась в темноте. Ткань наконец поддалась. Облегченный, я заработала ногами, устремляясь вверх.

Моя голова пробила поверхность с таким плеском, будто взорвалась граната из жидкого стекла. Я жадно глотала сырой воздух, цепляясь за последнюю ступень перед входом в сам храм.

Дверного проема не существовало. Была лишь арка, увитая костяным терновником. Шипы были длинными, как вязальные спицы, и влажно поблескивали в лунном свете, пробивающемся сквозь клубы тумана. Ветви шевелились сами по себе, словно живые стражи. Они почувствовали чужака.

Первая лоза хлестнула меня по плечу, оставив глубокую царапину поверх старых синяков. Вторая метнулась к горлу. Я выставила вперед руку с кинжалом. Лезвие вошло в зеленую плоть легко, слишком легко. Терн зашипел, выпуская густой черный сок, пахнущий миндалем и смертью. Яд. Если одна капля попадет в кровоток, мои мышцы сведет судорога, и я захлебнусь прямо здесь, в двух шагах от спасения.

Я перехватила нож обратным хватом и начала прорубать путь. Каждое движение отзывалось пожаром в спине. Клеймо пульсировало так сильно, что казалось, сейчас прожжет мою грудь насквозь.

«Ты наша, Улада. Ты всегда будешь нашей», — голос отца звучал не в ушах, а внутри черепа, отдаваясь эхом от древних камней.

Я упала на порог храма, тяжело дыша. Камень под ладонями был сухим и теплым. Магия этого места отталкивала внешнюю влагу. Здесь пахло иначе. Озоном, старым пергаментом и железом. Запах древней, запретной силы.

Поднявшись на четвереньки, я поползла внутрь. Главный зал был огромен. Пол покрывала мозаика из костей и полированного дерева, складывающаяся в карту звездного неба. В центре зала стоял алтарь. Массивный монолит из черного обсидиана, гладкий, как стекло. И на нем...

Книга.

Она не лежала. Она *покоилась*. Луч умирающего лунного света упал на нее сверху через пролом в куполе, и переплет вспыхнул багровым огнем. Толстый фолиант был сшит жилами. Обложка казалась сделанной из человеческой кожи, натянутой на ребра какого-то гигантского зверя. На ней не было названия. Лишь рельефное изображение: переплетение шипов и человеческих черепов, чьи пустые глазницы смотрели прямо на меня.

Шаги преследователей слышались снова, но уже снаружи, у кромки воды. Они нашли брошенное мной платье. Скоро найдут и капли крови на ступенях. Времени нет.

Я подползла к алтарю. Мои руки дрожали. Я положила ладони на теплую обложку. Книга ответила вибрацией, прошедшей от кончиков пальцев до самого затылка. Она ждала. Ждала так долго, что ее терпение превратилось в голод.

— Что тебе нужно? — выдохнула я, глядя на свои окровавленные пальцы. — Золото? Кровь? Моя душа?

Кожа переплета пошла рябью. Нити, которыми она была сшита, напряглись. Замок щелкнул сам собой, без ключа, и книга раскрылась ровно посередине. Страницы не были бумажными. Это был тонкий, выделанный до прозрачности пергамент. И буквы... Буквы светились изнутри тусклым рубиновым светом. Они были написаны кровью, которая до сих пор не высохла.

Язык был древним, диалектом, на котором говорили еще до Раскола Королевств. Но каждое слово отпечатывалось в моем сознании с пугающей ясностью.

«Плата за первый вздох жизни берется ценой первого удара живого сердца».

Снаружи раздался боевой клич. Гончие ринулись в воду. Их тяжелые доспехи зловеще булькали. У меня осталось секунд тридцать.

Я посмотрела на свой обсидиановый кинжал. Потом на свою левую ладонь. Выбора не было. Выбор — это привилегия живых, а не тех, кого только что похоронили заживо.

Прижав лезвие к центру ладони, я нажала. Разрез получился глубоким, хирургически точным. Боль от клинка показалась благословением по сравнению с тем, что выжег на моей спине отец. Темно-рубиновая, почти черная в полумраке храма кровь хлынула струей.

Я вытянула руку над открытой страницей. Первая капля упала на пергамент с тихим шипением.

Как только кровь коснулась букв, мир вокруг перестал существовать.

Буквы впитали жидкость мгновенно. Они набухли, стали объемными, а затем выстрелили тонкими алыми нитями прямо в мой порез. Я закричала, но звук застрял в горле. Нити пронзили мою плоть, связывая меня с книгой неразрывным узлом боли.

А затем страницы начали заполняться текстом. Новые строки проступали из пустоты, написанные моим собственным почерком, хотя я даже не открывала рта:

*«Объект поиска: Родерик Алымов. Младший брат. Статус: клиническая смерть (утопление). Срок смерти: три дня. Требуемая плата: моторная функция левой верхней конеч-

ности». *

Три дня. Он умер три дня назад. Значит, все это время отец знал, что мальчик мертв, и продолжал пытаться меня, обвиняя в убийстве собственного сына. От этой мысли ярость обожгла вены сильнее любого яда.

Текст продолжал писаться сам:

*«Активация ритуала воскрешения. Канал открыт. Перенаправление жизненной эссенции начато». *

Моя левая рука от локтя до кончиков пальцев внезапно онемела. Ощущение было жутким — словно кто-то медленно вытаскивает из мяса все кости, заменяя их колотым льдом. Я попыталась пошевелить пальцами. Ничего. Пустота. По руке поползла сеть черных вен, поднимаясь к плечу. Плоть стремительно высыхала, превращаясь в подобие старого папируса, туго обтягивающего скелет.

Но зато на странице книги проявилась новая запись, сияющая чистым золотом:

*«Цель достигнута. Объект "Родерик" переведен в статус "Жив". Дыхание восстановлено. Сердечный ритм стабилен». *

За стенами храма вода вспенилась. Первый всадник вы-

рвался на берег озера. Я слышала скрип натягиваемой тети-вы.

Я с трудом отдернула руку от книги. Связующие нити оборвались с влажным чавканьем, оставив в ладони глубокие сквозные отверстия, края которых уже начали чернеть. Левый рукав платья повис бесполезной тряпкой. Моя рука больше никогда не выпустит меч. Цена уплачена.

Тяжело опираясь на правый локоть, я перевернула страницу. Там, под кровавым пятном, виднелось следующее условие. Одно из сотен тысяч, ожидающих меня в этом фолианте.

Снаружи прогремел взрыв. Боевая магия отца ударила в стены храма, посыпалась каменная крошка. Дрожь прошла по полу.

Я подтянула к себе книгу. Ее тяжесть теперь ощущалась иначе — она стала частью моего веса, моей расплаты. Прижимая драгоценный фолиант к груди здоровой рукой, я отползла в тень массивной колонны.

Пусть заходят. Пусть ищут пепел.

Они пришли за беглянкой Усладой. Но та девочка сгорела дотла на ступенях родного дома.

Теперь здесь только Хозяйница Черепов. И эта Хозяйница очень, очень зла.

Глава 2: Командор Пепла

Тишина, наступившая после удара боевой магии, звенела в ушах громче самого взрыва. Каменная пыль оседала на языке горечью пепла. Я лежала за колонной, вжавшись щекой в ледяной пол, и слушала, как бьется мое собственное сердце — тяжело, с надрывом, словно пытаюсь компенсировать остановившееся три дня назад сердце Родерика. Левая рука висела плетью. Кожа на ней посерела, став похожей на старый пергамент, туго обтянувший кости. Магия Черепов и Роз не торговалась. Она брала свое сразу и навсегда.

Книга под моей здоровой рукой была теплой. Живой. Я чувствовала пульсацию вен на ее переплете, синхронизированную с моим собственным кровотоком. Теперь мы были симбионтами. Паразитами друг для друга.

Скрежет металла о камень раздался ближе. Кто-то из гвардейцев отца пытался выломать двери храма костяным терновником снаружи. Шипы протестующе визжали, но я знала — они пропустят своих создателей. Кровь Алымовых текла и во мне, а значит, магия рода рано или поздно найдет лазейку.

— Рассредоточиться! — Голос ударил по барабанным перепонкам, проникая сквозь толстые стены святилища.

Он был лишен эмоций. Вычищенный до блеска, холодный, как лезвие скальпеля перед вскрытием. Этот голос не принадлежал ни одному из тупоголовых капитанов отцовской гвардии. В нем слышалась сталь высшей пробы и та особая порода жестокости, которая воспитывается годами строевой муштры и подавления бунтов.

Я медленно, миллиметр за миллиметром, выглянула из-за колонны. Зал купался в мертвенно-синем свете. Лунные лучи преломлялись в тумане, сочившемся из трещин в полу, создавая причудливые тени. И посреди этого призрачного света стоял он.

Он снял шлем еще у воды. Дождевые капли стекали по его высоким скулам, исчезая в короткой черной бороде, скрывающей жесткий, волевой подбородок. Но я смотрела не на лицо. Мой взгляд намертво прикипел к его доспехам. Это был не обычный армейский латный панцирь. Сотни мелких пластин черного вулканического стекла были сплетены кольчужными узорами, напоминая чешую дракона. На нагруднике красовалась эмблема Ордена Пепла — выжженное дотла дерево, из корней которого прорастают клинки. Инквизиторы короны. Те, кого отец отправлял сжигать деревни ерети-

ков вместе с младенцами.

Командор. Его ранг читался в том, как держались остальные солдаты. Они боялись его больше, чем моего отца. Когда один из гвардейцев случайно наступил на мозаику из костей, издав хруст, командор даже не повернул головы. Он просто поднял руку в черной перчатке. Через секунду гвардеец упал на колени, захлебываясь беззвучным криком — невидимая сила выдавила воздух из его легких.

— Храм пуст, милорд, — прохрипел сержант, вытирая испарину. — Девка либо утонула в топи, либо змеи уволокли ее на дно.

Мужчина шагнул вперед. Свет луны упал на его глаза, и меня прошило током узнавания. Кайлен Торнвуд. Старший сын герцога Торнвуда, правителя восточных границ. Наследник одного из древнейших родов Севера.

И мой несостоявшийся деверь.

Десять лет назад наши отцы подписали брачный договор. Я должна была стать женой его младшего брата, Элиана. Тихого мальчика с вечно сползающими на нос очками, который единственный приносил мне книги из запретной библиотеки вместо букетов ядовитых роз. Мы никогда не любили друг друга, но между нами было хрупкое перемирие двух пленников одной золотой клетки. До того дня, пока Элиан не «слу-

чайно» выпал из окна башни советов через час после того, как я отказалась выходить за него замуж, желая посвятить себя изучению целительских искусств.

Кайлен сделал еще один шаг. Его сапоги из дубленой кожи оставляли темные влажные следы на белом камне. Он двигался с грацией матерого хищника, вышедшего на охоту. Не ради голода. Ради удовольствия доказать свою власть над территорией.

— Обыскать каждый дюйм, — бросил он, не повышая тона. — Если она мертва, я хочу видеть кольцо с печатью Дома Алымовых, снятое с ее пальца. Если жива... принесите мне ее язык. Князь желает написать им письмо своей жене.

По спине пробежал холод, не имеющий ничего общего с озерной сыростью. Отец всегда был чудовищем, но теперь он перешел черту, отдав приказ инквизиции. Значит, моя казнь будет публичной. Показательной. Чтобы другим неповадно было рождаться с даром крови в жилах княжеского рода.

Кайлен остановился прямо перед алтарем. Его тень накрыла Книгу.

Я затаила дыхание, вжимаясь в спасительную темность колонны. Сейчас он увидит фолиант. Древний закон гласит: любой предмет темной магии должен быть доставлен в Ци-

тадель Пепла для уничтожения. Или поглощения силой Ордена. Стоит ему протянуть руку...

Черная обсидиановая плита алтаря внезапно пошла трещинами. Тонкая струйка дыма поднялась оттуда, где упала моя кровь. Книга защищала себя. И меня.

Кайлен опустился на одно колено. Не в почтении. В готовности. Он положил ладонь на эфес меча, клинок которого оставался в ножнах, но излучал едва заметное багровое свечение. Демоническая сталь.

— Выходи, — сказал он в пустоту зала. — Твой запах выдает тебя, княжна. Железо, соль и дикий мед. Тот самый аромат, которым пропахли все шелковые простыни в восточном крыле замка десять лет назад. Ты думаешь, я забыл?

Мои пальцы судорожно сжались на обложке Книги. Дикий мед. Только Элиан знал об этом. Перед нашим последним ужином он тайком пролил немного меда из сот на мое запястье, смеясь над тем, что пчелы искусают меня в саду, и этот запах теперь преследует меня повсюду.

Значит, это действительно Кайлен. И если он здесь, значит, именно он убил моего единственного союзника. Месть обожгла горло желчью.

— Я знаю, что ты ранена, — продолжил он, медленно по-

ворачивая голову. Темные волосы упали на лоб. — Левый бок. Рана глубокая. А судя по тому, как дрожит вода в чашах вдоль стен, ты только что провела ритуал воскрешения. Такие заклинания требуют ампутации части души. Интересно, какую часть ты отрезала? Способность любить? Или способность чувствовать боль?

Он играл со мной. Кошка с мышью, загнанной в угол церковного склепа. Солдаты начали обходить зал по периметру, поднимая тяжелые арбалеты. Болты в них светились рунами антимагии. Один выстрел — и мои новообретенные силы уснут, оставив меня обычным мясом для их клинков.

Нужно бежать. Единственный выход — через верхние галереи, куда можно подняться по винтовой лестнице за статуей богини. Но чтобы добраться до нее, нужно пересечь открытое пространство длиной в пятьдесят шагов.

Я начала отползать назад, глубже в тень, стараясь не тревожить груды битого камня. Сухой лист, прилипший к моему рукаву, соскользнул и спланировал вниз.

Звук падающего листа в абсолютной тишине прозвучал как удар молота.

Взгляд Кайлена метнулся ко мне мгновенно. Слишком

быстро для человека. Время растянулось, превращаясь в тягучую смолу. Я видела, как расширяются его зрачки, впитывая мрак. Как напрягаются мышцы предплечья под черной кожей перчатки.

— Вот ты где, Улада, — выдохнул он, и в его голосе впервые прорезалась эмоция. Разочарование. — Все такая же глупая девчонка, прячущаяся за чужими юбками.

Он рванул меч из ножен одним слитным движением. Воздух застонал, рассекаемый зачарованной сталью. Багровые письмена на клинке вспыхнули, освещая зал адским пламенем. Арбалетчики взяли меня на прицел. Пути назад не было.

Инстинкт самосохранения взревел громче разума. Я перекатилась вправо, уходя с линии огня, и вскинула правую руку. Я не знала слов. Заклинание родилось само, вытягиваясь из тех черных нитей, что связали меня с Книгой. Оно рвалось наружу через поры, требуя выхода.

— *Шипастый саван*, — прохрипела я, вкладывая в слова остатки своего тепла.

Воздух вокруг меня сгустился. Полуразрушенные витражи под потолком задрожали. Из теней, из пыли веков, из са-

мой тьмы, пропитавшей камни храма, вырвались лозы. Но это были не те зеленые побеги снаружи. Это были нити из затвердевшей ночи, увенчанные цветами из матового льда и человеческих зубов.

Они хлестнули первыми. Десятки шипастых плетей обрушились на ближайшего солдата прежде, чем тот успел нажать спусковой крючок. Лозы пробили стальную кирасу, как бумагу, вошли в плоть и сомкнулись внутри грудной клетки. Мужчина рухнул, дергаясь в конвульсиях, насаженный на букет собственной смерти. Запахло озоном и раскаленным металлом.

Зал взорвался хаосом.

Арбалетные болты сорвались с тетив, но черные лозы перехватили их в воздухе, переломили пополам и бросили обратно. Один болт вонзился в плечо сержанта, заставив того выронить факел. Огонь лизнул лужу масла на полу.

Кайлен не отступил. Ни на шаг. Он ринулся прямо в центр бушующей бури. Его черный доспех покрылся царапинами от ледяных игл, но кожа осталась цела. Он вращал мечом так быстро, что оружие превратилось в сплошное алое колесо, рубя мои создания на куски. Каждый его выпад сопровождался выбросом чистой энергии Пепла — она разъедала мои лозы, превращая их в серый прах.

Мы оказались лицом к лицу. Расстояние — длина клинка.

Его меч пошел сверху вниз, метя мне в ключицу. Удар был слишком быстрым, блокировать его раненой правой рукой означало лишиться и ее. Отступить было некуда — сзади начинался провал в полу, ведущий в подземелья.

Я сделала единственное, что могла сделать изгнанница, чью левую сторону парализовало ценой спасения брата.

Я приняла удар на книгу.

Обсидиановый переплет встретил демоническую сталь с оглушительным звоном, от которого зазвенело в зубах. Искры посыпались дождем. Клинок вошел в кожу переплета на добрую ладонь.

Кайлен навалился всем весом, прижимая меня к полу. Его лицо оказалось в дюймах от моего. Я видела каждую пору на его коже, капельку пота над бровью, бешеный пульс на шее.

— Где книга, ведьма? — прорычал он, давя на рукоять. Металл кромсал кожаный переплет, обнажая алые страницы. Буквы на них вспыхнули ярче, реагируя на близость враждебной магии. — Отдай фолиант, и князь позволит тебе умереть быстро. Защищай его — и я буду снимать с тебя кожу полосками всю ночь.

Вместо ответа я плюнула ему в лицо. Кровавая слюна смешалась с дождевой водой на его щеке.

В то же мгновение Книга ответила на оскорбление хозяйина.

Страницы, пронзенные мечом, распахнулись веером. Чернила-брызги сорвались с пергамента, превращаясь в рой острейших осколков обсидиана. Они не полетели в Кайлена. Они устремились вверх.

Потолок храма состоял из огромных плит. Осколки врезались в стыки древнего камня. Храм содрогнулся. Свод начал осыпаться.

Огромная базальтовая плита отделилась от потолка и рухнула точно между нами.

Ударная волна подбросила меня и швырнула спиной на статую богини. Боль выбила дух, мир поплыл перед глазами. Сквозь звон в ушах я слышала проклятия Кайлена, придавленного обломками своих людей и заваленного грудой камней там, где только что был алтарь.

Пыль забивала легкие. Левая рука бесполезным грузом висела вдоль тела. Правая сжимала Книгу так, что побелели костяшки. Меч командора торчал из обложки, вибрируя.

Я подтянула ноги, готовясь встать. Нужно уходить наверх, пока потолок не похоронил нас всех.

Но когда я попыталась опереться на правую ногу, ступня провалилась в пустоту. Взгляд вниз заставил желудок свернуться узлом. Плита, рухнувшая сверху, разбила мраморный пол. Прямо под моими ногами зиял черный провал главного подземного зала. Глубокий. Бесконечный. Оттуда тянуло сквозняком и запахом тысячелетней тлена.

Балансируя на крошащемся краю, я посмотрела на лестницу. Она была цела, но до нее десять футов открытого пространства, простреливаемого остатками гвардии. А внизу, в темноте провала, начало происходить движение. Что-то огромное, покрытое мокрой чешуей, зашевелилось в самом сердце озера, привлеченное вкусом свежей крови и эхом древней битвы.

— Сюда! Она у края! — заорал кто-то из выживших солдат, перезаряжая арбалет.

Кайлен начал ворочаться среди камней, его шлем слетел, обнажив окровавленный лоб. Наши взгляды встретились снова. В его глазах не было ненависти. Там было чистое, незамутненное обещание боли. Он наслаждался этим.

Я перевела взгляд на кинжал, зажатый в зубах — единственная вещь, которую я успела вытащить из-под обвала. Затем посмотрела на свои руки. Одна здоровая, одна мертвая.

Выбора нет. Спуск вниз, в логово змея, звучит гораздо привлекательнее, чем пытки в подвалах Цитадели Пепла.

Я закрыла глаза, поцеловала наверху кинжала губами и позволила гравитации забрать меня.

Падение длилось вечность. Ветхий шелк платья зацепился за выступающий корень какого-то гигантского дерева, пробившего кладку. Ткань затрещала, принимая на себя вес моего тела, и с оглушительным треском лопнула. Я пролетела последние несколько футов, кувыркаясь в воздухе, и рухнула в ледяную воду на дне провала.

Удар вышиб сознание. Последним, что я увидела сквозь толщу воды, искажающую реальность, был силуэт Кайлена Торнвуда. Он стоял на краю обрыва, возвышаясь надо мной, как сама смерть в своих черных доспехах. Он приставил два пальца к виску в издевательском военном салюте, прежде чем тьма провала окончательно сомкнулась надо мной.

Глава 3: Цена второго дыхания

Вода не приняла меня. Она вцепилась в мое тело тысячами ледяных крючьев, выдавливая остатки тепла из костей и заливая нос, рот, разрывая легкие спазмом паники. Я камнем пошла ко дну. Тяжелый фолиант Книги на моей груди тянул вниз с неумолимостью могильной плиты.

Удар о дно вышиб из меня дух окончательно.

Мир сузился до пульсирующей боли в затылке и абсолютной, звенящей темноты. Здесь, под фундаментом храма, царила первородная ночь. Свет лунных лучей остался где-то высоко, за толщей камня и черной воды. Звуки битвы наверху превратились в глухой, вибрирующий гул — так бьется сердце умирающего гиганта.

Я попыталась встать, но ноги запутались в чем-то склизком, мягком и бесконечно длинном. Не водоросли. Волосы. Густые женские волосы, сплетенные в косы, которые теперь размотались и оплетали мои лодыжки мертвой хваткой утопленницы. Мой сапог соскользнул с чего-то твердого и круглого. Человеческий череп. Нижняя челюсть отвисла в беззвучном крике, а сквозь пустую глазницу проплыл бледный,

слепой сом размером с мою руку. Он ткнулся холодным рылом мне в щеку, ощупывая кожу усиками, и лениво поплыл дальше, растворяясь во мраке.

Это была братская могила тех, кто пытался найти храм до меня. Священников, еретиков, беглых каторжников. Озеро кормило своего змея веками.

Легкие горели огнем. Инстинкт требовал открыть рот и вдохнуть эту густую, соленую жижу. Смерть от утопления всегда рисовали романтической — легкое головокружение, полет к свету. Ложь. Это агония рыбы, выброшенной на раскаленный песок. Мои ребра начали складываться внутрь под давлением воды.

«Плата за второй шанс берется ценой памяти».

Слова проступили перед внутренним взором кровавыми печатями. Книга внутри меня никогда не спала. Она просто ждала подходящего момента для нового торга. Моя правая рука, сведенная судорогой, все еще сжимала обсидиановый кинжал. Клинок тускло блеснул в темноте, разрезая пелену волос-щупалец.

Если я умру здесь, Родерик снова станет трупом. Магия крови работает только пока жив сосуд. А мой сосуд сейчас

стремительно наполнялся озерной водой.

— Хорошо, — прохрипела я в воду. Пузырьки воздуха вырвались изо рта и унеслись вверх призрачными цепочками. — Забирай.

Я полоснула лезвием по правой ладони. Вода тут же окрасилась алым, создавая вокруг меня жуткий ореол. Кровь смешивалась с грязью, костным пеплом и слизью. Идеальный коктейль для древнего колдовства.

Книга жадно впитала жидкость прямо через обложку. Страницы затрепетали под водой, хотя никакого течения здесь не было. Движение создавало само дыхание магии.

Текст вспыхнул в сознании, причиняя почти физическую мигрень:

«Объект поиска: Услада Алымова. Текущий статус: критическое повреждение коры головного мозга вследствие гипоксии. Требуемая плата: блокировка центра долговременной памяти (эмоциональные привязанности). Срок действия контракта: до востребования».

Эмоциональные привязанности.

Отец. Его тяжелая золотая цепь на шее и запах перегара. Мать. Ее тонкие пальцы, перебирающие струны лютни в са-

ду на рассвете. Элиан. Его круглые очки, вечно сползающие на кончик носа, когда он читал мне запрещенные стихи о проклятых рыцарях. Кайлен. Жар его руки на моем запястье десять лет назад, когда он поймал меня за кражей вина из королевского погреба, и то, как он смотрел на меня тогда — не как инквизитор на добычу, а как мужчина на женщину, которая слишком быстро повзрослела.

Все это начало рассыпаться. Образы матери покрылись трещинами, словно старое стекло. Голос отца стал неразборчивым шипением. Воспоминания об Элиане... они таяли первыми, потому что были самыми болезненными. Боль потери всегда выжигает клеймом глубже, чем радость присутствия.

Мое сознание очищалось, превращаясь в гладкую черную доску. На ней оставалось лишь одно имя, написанное несмыслимой краской: *Родерик*. И цель: *Выжить*.

Ледяные тиски на груди разжались. Легкие судорожно сократились, мышцы диафрагмы свело узлом, и я закашлялась. Но вместо воды из горла хлынула густая, маслянистая черная жижа, пахнувшая серой и медью. Я захлебнулась бы ею вторично, если бы чья-то чужая воля не заставила гортань рефлекторно сжаться.

Кожа на лице натянулась. Щеки впали. Губы потрескались и высохли, покрываясь сетью глубоких морщин, которых не бывает у двадцатилетней девушки. Я чувствовала, как молодость вытекает из меня вместе с кровью в воду. Седина — тонкая, серебряная прядь — пробила темноту моих мокрых волос у самого виска. Мне стало двести лет. Или две тысячи. Время больше не имело значения.

Но кислород наполнил альвеолы. Горький, спертый, пропитанный запахом гниения, но такой сладкий. Я втянула его полной грудью, лежа лицом в грязи среди костей.

Где-то над головой раздался оглушительный треск. Каменный пол верхнего зала рушился окончательно. Вниз посыпались обломки статуй, куски арбалетов и тела. Один из гвардейцев упал в десяти футах от меня, подняв облако ила. Он был еще жив. Его глаза вылезли из орбит, когда вода заполнила его шлем. Он сорвал забрало, выпуская последний пузырь воздуха, и его взгляд встретился с моим. В нем не было страха смерти. Там был ужас узнавания. Он увидел мое лицо — посеревшее, состарившееся маску бездушного монстра — и понял, что лучше было задохнуться там, наверху.

Его тело дернулось и замерло. Пузырьки перестали идти.

Нужно двигаться. Провал вел глубоко вниз, в систему пе-

щер, куда даже солнечный свет боялся заглядывать. Если змей спит, у меня есть час, прежде чем пульсация моего восстановившегося сердца разбудит его.

Я поползла по дну, загребая ил свободной рукой. Книга болталась на ремне через плечо, ударяя по бедру при каждом движении. Правая нога отозвалась резкой болью — голеностоп был вывихнут при падении. Каждое движение грозило переломом.

Впереди показался просвет. Не дневной свет — тот умер для меня навсегда. Это было биолюминесцентное свечение. Зеленоватое, болезненное, исходящее от стен огромной подводной каверны. Водоросли здесь росли прямо из известняка, образуя причудливые арки, похожие на ребра левиафана.

Я выползла на каменистый выступ, откашливаясь остатками черной желчи. Прижалась спиной к холодной стене, пытаясь унять дрожь. Холод больше не беспокоил меня. Терминальная стадия магического истощения убивает нервные окончания. Я могла бы держать в руке раскаленный уголь и чувствовать лишь приятное тепло.

Именно в этот момент я слышала плеск сверху.

Он отличался от хаотичного падения камней. Это был ритмичный, мощный гребок. Кто-то спускался следом. Про-

фессионально. Бесшумно, насколько позволяла кольчуга.

Тени в проеме дрогнули, заслоняя зеленоватый свет. Фигура упала в воду без всплеска, погрузившись всего на пару футов, и встала на дно. Вода доходила ей до груди.

Доспехи командора Пепла казались выкованными из самой бездны. Они впитывали слабое сияние пещеры, оставляясь абсолютно черными. Шлем скрывал лицо, оставляя лишь два провала, из которых веяло могильным холодом.

Кайлен Торнвуд пришел лично завершить начатое. Он не доверил честь убийства своим солдатам. Он спустился в преисподнюю за мной.

— Ты утонула три минуты назад, княжна, — его голос звучал приглушенно сквозь металл, но акустика пещеры усиливала каждый звук, делая его объемным. — Богиня этого места отвергла твою жертву. Жаль. Я хотел посмотреть, какого цвета твои глаза, когда ты молишь о пощаде.

Он сделал шаг вперед. Под водой это выглядело медленно, театрально. Рука в латной перчатке легла на рукоять меча. Демоническая сталь начала нагревать воду вокруг себя — я видела, как поднимаются со дна мелкие пузырьки пара.

Мой разум работал четко, отстраненно. Как хирургиче-

ский инструмент. Эмоции сгорели в оплату долга. Передо мной не стоял человек, разбивший мне сердце. Передо мной стояла преграда между мной и жизнью брата. Объект. Препятствие. Источник запчастей.

Кайлен занес клинок для удара сверху. Классическая ошибка тяжелой пехоты против противника в воде. Плотность среды замедляет рубящий замах ровно настолько, чтобы дать жертве время распасться на атомы.

Я не стала доставать кинжал. У меня осталось оружие лучше.

Моя здоровая правая рука метнулась вперед, но не для защиты. Я вонзила пальцы прямо в нагрудник его доспеха, игнорируя острые края разбитых пластин. Мои ногти, почерневшие от холода и грязи, вошли в стыки брони, как иглы.

Кайлен зарычал, опуская меч мне на плечо. Лезвие должно было отсечь руку. Должно было развалить меня надвое. Но оно встретило сопротивление.

Черные нити, те самые, что связали меня с Книгой в храме, выстрелили из-под моей кожи. Они не были видны в мутной воде, но их давление ощущалось физически. Нити обвили клинок демонической стали, сковав его в дюйме от моей ключицы. Металл застонал, протестуя против соприкосновения с древнейшей тьмой. Багровые письмена на клинке

погасли, поглощенные абсолютным мраком.

— Интересная игрушка, — процедил Кайлен. Он попытался высвободить меч, налегая всем весом. Вода вокруг нас вскипела от напряжения двух противоположных сил. — Откуда она у тебя? Отец прятал такие артефакты в сокровищнице.

Я улыбнулась. Вернее, лицевые мышцы исказились в пародии на улыбку. Безгубой, хищной гримасе мертвеца.

— Твой отец продал ее моему, — ответила я. Мой голос тоже изменился. Стал ниже, лишился девичьего трепета, приобретя бархатную глубину гробовой крышки. — Вместе с правом первой ночи, которое твой драгоценный герцог дарил князьям Севера каждые двадцать лет, чтобы сохранить свои границы. Так что технически, командор, эта книга принадлежит тебе по наследству так же, как и мне. Мы семья.

Шок от этой новости длился секунду. Одну роковую секунду, которой мне хватило.

Свободной левой рукой — той самой, что должна была быть парализованной «мертвым мясом» — я ударила его снизу вверх, под подбородочный ремень шлема.

Пальцы вошли в плоть легко. Слишком легко.

Магия Черепов перестроила мои кости, сделав их полыми

и острыми, как птичьи когти. Я схватила его язык. Резким, рваным движением, вкладывая в него всю ту силу, которой питалась от книги, я дернула на себя.

Хруст разорванных мышц прозвучал громче любого боевого клича.

Кайлен подавился собственным криком и своей кровью. Его руки разжались. Меч пошел ко дну, мгновенно исчезнув в иистой взвеси. Командор рухнул на колени, зажимая ладонями рот, из которого толчками выходила темно-красная пузырящаяся масса.

Я оттолкнулась от стены и нанесла второй удар. Правой рукой, пальцами, сложенными в щепоть, я ударила его точно в центр нагрудника, туда, где сходились пластины. Прямо в солнечное сплетение.

Черная энергия вырвалась из моей ладони концентрированным лучом. Она не сожгла броню. Она прошла сквозь нее, сквозь кожаный дублет, сквозь ребра и вошла в самое средоточие его жизни.

Я вытягивала из него тепло. Выжигала его волю к сопротивлению. Питала свое разрушенное тело его жизненной эссенцией. Это было омерзительно. Это было необходимо. Это было слаще любого вина, которое я крада в юности.

Кайлен осел в воду. Чернота ушла из его доспехов, обнажив обычную вороненную сталь. Он потерял сознание, завалившись набок. Тяжелые пузыри воздуха выходили из перерезанного горла и разбитого рта. Он тонул. Медленно. Захлебываясь собственной кровью и озерной жижей.

Я стояла над ним, тяжело дыша. Моя правая рука, вошедшая ему в грудь, все еще покоилась на его теле. Я чувствовала, как бешено, испуганно трепещет его сердце под моими пальцами. Остановить? Позволить книге забрать его душу целиком? Одной печатью решить проблему Ордена Пепла?

Нет. Живой враг полезнее мертвого. Особенно если этот враг теперь знает вкус моего безумия.

Я выдернула руку из его груди. Вода вокруг него моментально стала густой, как кисель — свернувшаяся кровь смешивалась с древними чарами озера.

Подхватив его бессознательное тело под плечи, я потащила его к берегу каверны, где виднелся песчаный пляж. Каждый шаг отдавался взрывом боли в вывихнутой лодыжке. Седая прядь моих волос плавала в воде белым флагом поражения того ребенка, которым я была утром.

На песке я рухнула рядом с ним. Достала из-за его пояса

свой кинжал. Перевернула Кайлена на спину.

Ритуал связи требует равного обмена.

Я полоснула ножом по своей правой ладони. Затем, преодолевая тошноту, сделала глубокий надрез на его предплечье поверх татуировки дома Торнвудов.

Смешав нашу кровь в вязкой озерной воде, я прижала свою ладонь к его ране.

«Контракт заключен», — прошептала Книга внутри меня. — *«Объект "Командор" помечен как Ресурс. Доступ к его резервам силы открыт. Штраф за убийство объекта: немедленное изъятие души владельца».*

Значит, он мой щит. Мой паразитический донор.

Я сидела в темноте подземной пещеры, привалившись плечом к телу своего злейшего врага. Где-то в недрах горы зарокотало. Пол содрогнулся. Спящее чудовище наконец проснулось от эха нашей драки.

Зеленые водоросли на стенах тревожно зашелестели, склоняясь к центру озера. Гигантская тень закрыла собой свечение каверны. По воде пошли крупные волны, одна из которых накрыла наши ноги.

Огромный желтый глаз, разделенный вертикальным чер-

ным зрачком, открылся в темноте напротив нас. Размером с ворота замка. Он моргнул полупрозрачной пленкой, счищая с себя вековую слизь. И посмотрел прямо на меня.

Змей узнал новую Хозяйку по запаху ее грехов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.